

НЕОТОМИЗМЪ.

(Garigou-Lagrange. O. P. «Le sens commun. La philosophie de l'être et les formules dogmatiques» и Jacques Maritain. «Réflexions sur l'intelligence et sur sa vie propre»).

Католичество, несмотря на кажущуюся статичность его догматической системы и упорное противление всѣмъ умственнымъ движеніямъ новаго времени, обладаетъ большой умственной энергіей, которой оно все вновь и вновь создаетъ въ своихъ нѣдрахъ умственное возрожденіе. Еще не такъ давно пашумѣло въ католическомъ мѣрѣ движеніе модернизма, которое хотѣло примирить католическую вѣру съ современной наукой и современнымъ обществомъ, боролось съ схоластическимъ рационализмомъ и пыталось опереться въ этой борьбѣ на иррационалистическую философію Бергсона. Блондель, Лабертоньеръ, Ларуа были главными представителями философскаго модернизма во Франціи и они остались вѣрны католичеству и послѣ осужденія модернизма Ватиканомъ, въ отличіе отъ Луази, который совсѣмъ ушелъ отъ христіанства. Но модернистское движеніе, въ которомъ были и положительные элементы, обезпокоило не только Ватиканъ и вызвало противъ себя реакцію не только официальной церковной власти, — оно обезпокоило католическую философскую мысль и вызвало противъ себя цѣлое умственное движеніе, которое можетъ быть названо неотомизмомъ. Движеніе это представлено во Франціи такими тонкими мыслителями, какъ доминиканецъ Гаригу-Лагранжъ и Жакъ Маритенъ. Католическая мысль отвѣтила на опасность модернизма попыткой создать нѣчто въ родѣ томистскаго ренессанса, — обновленія и развитія классическаго католичества. И это классическое католичество прежде всего латинское по своему духу. Германское католичество, которое сейчасъ тоже очень усиливается, носитъ другой характеръ и отражаетъ иной духовно — культурный типъ. Св. Тома Аквинатъ и есть величайшій геній и самый могущественный выразитель классическаго духа латинской католической ортодоксіи. Латинскій геній любитъ ясность и четкость мысли, отталкивается отъ германской и славянской туманности и не оформленной мистичности, вѣрить въ естественный разумъ, въ естест-

венный солнечный свѣтъ міроздація, онъ классиченъ въ своемъ мышленіи, не любитъ иррациональной романтики мысли и естественно склоненъ къ реализму, готовъ вѣрить въ реальность вещей. Почему модернизмъ вызвалъ такое безпокойство, почему латинская католическая мысль дѣлаетъ напряженныя творческія усилія опровергнуть модернизмъ, одолѣть его на философскомъ полѣ битвы? Книги Маритена и Гаригу-Лагранжа очень много даютъ для пониманія смысла томизма, значенія философіи Св. Тома для католической Церкви, для судьбы религіи. Это очень интересныя книги, очень остро ставящія проблемы. Читая ихъ, очень сильно чувствуешь, насколько нашъ духъ не похожъ на духъ латинскій. «Модернизмъ» въ широкомъ смыслѣ есть лишь одно изъ проявленій того духа современности, который вызываетъ энергичную реакцію неотомизма. Латинская католическая мысль въ лицѣ неотомизма испугалась разрушенія религіозныхъ реальностей, испугалась разрыва съ классической античностью, столь помогающей повсюду установить формы, различенія и границы, испугалась гибели естественнаго разума и погруженія въ иррациональный хаосъ. Она умно и тонко вступилась за философію здраваго смысла (*le sens commun*), какъ за вѣчную философію естественнаго разума, познающаго естественный мѣръ. И Маритенъ и Гаригу-Лагранжъ видятъ въ новой философіи, у Декарта, Канта, Гегеля, Бергсона, постепенное разрушеніе интеллекта, естественнаго разума. Но почему имъ такъ дорогъ интеллектъ, дорогъ не только философски, но и религіозно, почему отрицаніе интеллектуализма Св. Тома Аквината есть ересь, осужденная Ватиканскимъ Соборомъ? Интеллектъ для Св. Тома Аквината былъ единственнымъ органомъ, который воспринимаетъ и познаетъ объективныя реальности, черезъ который происходитъ сопрякосновеніе съ бытіемъ. Интеллектъ въ томистской философіи имѣетъ конечно, другое значеніе, чѣмъ въ современной философіи. И претензіи со-

временныхъ кантіанцевъ или бергсоніанцевъ быть менѣе рачіоналистами, чѣмъ великій святой и мыслитель средневѣковья, конечно, смѣшны. Отрицаніе и разрушеніе интеллекта для томистовъ есть отрицаніе и разрушеніе бытія, отрицаніе и разрушеніе религиозныхъ реальностей, исключительное вверженіе въ субъективный міръ. Интеллектуализмъ означаетъ онтологизмъ. Антиинтеллектуализмъ, ирраціонализмъ есть отрицаніе религиозныхъ реальностей, замѣна ихъ религиозными переживаниями. Это и есть путь, которымъ шелъ Декартъ, перенесшій центръ тяжести съ бытія на сознаніе, и Лютеръ все обратившій въ субъективную вѣру. Интеллектуализмъ обосновывается закономъ тождества. Борьба за интеллектуализмъ, за философію естественнаго разума и здраваго смысла превращается въ борьбу за бытіе, за объективную реальность Бога и природнаго міра. Не мѣшаетъ только напомнить, что въ эпоху Св. Тома Аквината, аристотелевская философія, которая воспринималась, какъ аверроизмъ, считалась разрушающей религію и была осуждена католической церковью, а самъ Св. Тома считался крѣпкимъ новаторомъ, модернистомъ и даже предшественникомъ антихриста. (См. Petitot, O. P. «Saint Thomas d'Aquin. La vocation. L'oeuvre. La vie spirituelle»).

Такова одна сторона паюса томизма, это есть паюсъ религиознаго реализма, объективизма и онтологизма. Но есть и другая сторона, не менѣе важная. Св. Тома Аквинатъ въ классической формѣ установилъ различіе между естественнымъ и сверхестественнымъ, между твореніемъ и Творцомъ, между міромъ и Богомъ. Современные томисты считаютъ это величайшимъ его дѣяніемъ. Этимъ Св. Тома опредѣлилъ и ограничилъ область естественной философіи, которая естественнымъ разумомъ познаетъ естественный міръ. Философія не должна быть религиозной, мистической философіей, она должна быть рачіональной, естественной философіей. Жильсонъ считаетъ Св. Тома Аквината первымъ настоящимъ, чистымъ философомъ послѣ заката греческой философіи, такъ какъ въ серединѣ была лишь религиозная, мистическая философія, т. е. теософія (см. его книгу «Le thomisme»). На ряду съ естественной философіей Св. Тома Аквинатъ устанавливаетъ область теологіи, которая имѣетъ дѣло съ сверхестественнымъ откровеніемъ и дѣйствіемъ бла-

годати, и область мистики, которая есть созерчаніе Бога и сліянiе съ Богомъ. Все распредѣлено, всему отведено свое мѣсто, получается стройная іерархическая система, въ которой не допускаются никакія смѣшенія. Св. Тома есть геній мѣры, равновѣсія, въ немъ по истинѣ есть что-то отъ античнаго духа, въ немъ нѣтъ разверзающейся безконечности. По сознанію томистовъ строгое раздѣленіе между естественнымъ и сверхестественнымъ есть краеугольный камень христіанства. Всякое нарушеніе этой противоположности между естественнымъ и сверхестественнымъ ведетъ къ пантеизму и міробожествленію. И томисты подозрѣваютъ въ этомъ уклонѣ платонизмъ. Для платонизма эпирической, природный міръ вкороененъ въ міръ идей, а идеи пребываютъ въ Богѣ, между Богомъ и міромъ нѣтъ пропасти. Это есть платоновскій онтологизмъ, который въ новой философіи представленъ Малбраншемъ и Розмини. Онтологизмъ Розмини былъ осужденъ Ватиканомъ. Восточное христіанство, православная мысль тоже вѣдь есть онтологизмъ платоновскій, а не аристотелевскій. Томизмъ полагаетъ, что Аристотель навѣки вѣковъ установилъ основы естественной философіи, которая познаетъ реальности, связываетъ съ бытіемъ, не допускаетъ смѣшенія между Богомъ и міромъ. Св. Тома Аквинатъ дальше развилъ и согласовалъ съ христіанскимъ откровеніемъ эту вѣчную философію. Это есть единственная здоровая, поддерживающая экилибръ, не допускающая крайностей и срывовъ, классическая философія. Всякій философскій мистицизмъ представляется томистамъ опаснымъ и порождающимъ ереси. Они боятся гностицизма, къ которому склонны были восточные учителя Церкви, Св. Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Св. Григорій Нисскій, платоники по своей традиціи. Гностицизмъ, мистицизмъ, онтологизмъ платоновскаго типа также враждебенъ томистамъ, какъ и модернистическій ирраціонализмъ и агностицизмъ. Свои надежды на католическое латинское возрожденіе неотомисты связываютъ не только съ укрѣпленіемъ сверхестественнаго откровенія и теологіи его изучающей, но и съ своеобразнымъ пріяніемъ естественнаго міра, естественнаго разума, естественнаго познанія, естественной справедливости и съ этой «естественностью» связанной цивилизаціи. Неотомисты разомъ и «сверхестественники»

и «естественники». Для нихъ природный міръ не есть только порожденіе грѣха и отпаденіе отъ Бога, но въ своей «естественности», внѣбожественности онъ имѣетъ вѣчное право на существованіе, оправданъ въ своей противоположности «сверхестественному», хотя и подвергается организованному дѣйствию благодати. У Маритена есть настоящій философскій пафосъ, любовь къ безкорыстному, естественно-разумному знанію, есть вѣра въ справедливость и разумность естественнаго порядка. Неотомисты — оптимисты. Это характерная ихъ черта. Ихъ міросозерцаніе не трагическое. Они спасаются отъ трагизма въ своемъ классическомъ идеалѣ. Этому теченію чужда апокалиптическая и эсхатологическая настроенность. Его представители мало чувствуютъ мировую катастрофу. Они мало интересуются проблемами философіи исторіи. У нихъ нѣтъ устремленности къ преобразженію міра. Это очень характерно для католической мысли.

Но неотомисты не хотятъ быть простыми реставраторами средневѣковья, они хотятъ быть по своему современными людьми, хотя и враждебны всему, что «модернь». Маритенъ утверждаетъ, что Св. Тома Аквинатъ апостоль поваго времени, потому что новое время прежде всего болѣетъ разрушеніемъ интеллекта, болѣзнью сознанія, и интеллектуализмъ Св. Тома Аквината лучше всего поможетъ бороться съ этой болѣзнью (см. его «Saint Thomas d'Aquin arôtre des temps modernes»). Неотомизмъ быть можетъ единственное философское теченіе въ современной Франціи, которое вѣритъ въ бытіе и знаетъ, за какую реальность оно борется. Фран-

цузская академическая философія окончательно безразлична стала къ своему предмету, т. е. къ реальности, и повидимому гордится своимъ безразличіемъ, своей неспособностью отнести свое познаніе къ бытію. Во Франціи несомнѣнно есть католическое движеніе, оно захватываетъ молодежь, оно носитъ иной характеръ, чѣмъ романтическое католичество конца XIX вѣка, оно болѣе реалистично, активно, классично по своимъ идеаламъ, связано съ націонализмомъ, хочетъ устроения жизни. Неотомизмъ выражаетъ это направленіе. Ж. Маритенъ очень популяренъ въ католическихъ кругахъ, особенно среди молодежи. И очень характерно, что онъ былъ анархистомъ и бергсоніанцемъ и былъ обращенъ въ католичество величайшимъ католическимъ писателемъ Франціи новѣйшаго времени. — Л. Блуа. Но самъ Л. Блуа, художникъ, а не философъ въ своемъ мышленіи, былъ чело-вѣкомъ апокалиптическаго и пророческаго духа, который ни въ какія томистскія рамки не могъ быть вмѣщенъ. Намъ необходимо знать это серіозное теченіе западной религіозной мысли, хотя наша собственная религіозная мысль идетъ совсѣмъ другими путями. Намъ чужды и Аристотель и Св. Тома Аквинатъ, мы платоники по своей традиціи и нѣтъ для насъ такого разрыва между естественнымъ и сверхестественнымъ. Мы болѣе вѣримъ, что міръ и человекъ и всякое подлинное бытіе вкоренены въ Богѣ, что божественная энергія пронизываетъ природный міръ, что совсѣмъ внѣбожественны лишь грѣхъ и зло. Послѣ явленія Христа измѣнился человекъ и міръ, Творецъ и твореніе соединены.

Николай Бердяевъ.

КАТОЛИЧЕСКІЙ БОГОСЛОВЪ О РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПСИХОЛОГИИ.

Orientalia Christiana. № 11. Septembre-Novembre 1924. — Michel D'Herbigny, Président de l'Institut Pontifical Oriental. L'âme religieuse des russes d'après leurs plus récentes publications. — № 12. Décembre 1924 — Febrero 1925. — Informations sur l'orthodoxie russe à l'étranger.

О. Д'Эрбиньи имѣетъ въ Католической Церкви официальное признаніе лучшаго знатока Православной Церкви. Его перу принадлежатъ многочисленныя сочиненія и статьи, свидѣтельствующія

о большой начитанности въ этой области. Мѣсто, которое онъ занимаетъ — президента Восточнаго Понтификальнаго Института въ Римѣ указываетъ на авторитетность его отзывовъ, которые мы мо-